

* 1 ИЮНЬ 1987 *

СЕГОДНЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ
80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ИЗВЕСТНОГО СОВЕТСКОГО
ПОЭТА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛУГОВСКОГО.
2207

ПЛАМЕНЬ ГОЛУБОЙ

ВЛАДИМИР ЛУГОВСКОЙ принадлежит к тому славному поколению представителей советской поэзии, к которому относятся Н. Тихонов, М. Светлов, П. Антокольский, Э. Багрицкий, И. Сельвинский, — поколение, начавшему творческий путь в 20-е годы и передавшему эстафету революционной поэзии поэтам последующих времен. Свое выступление на I съезде советских писателей Владимир Луговской закончил своеобразной клятвой верности раз и навсегда избранному им в жизни пути.

«Если бы даже существовала судьба, то у меня были три просьбы к ней, — сказал он. — Первая — чтобы дано мне было жить, работать и умереть для светлого мира моей великой Родины, которая стала Родиной нового человечества.

Вторая просьба — чтобы сохранилась во мне до конца сила песни, потому что песня — это символ моей великой Родины.

Третья — чтобы не покидала меня человеческая отвага, ибо отвага творческая, интеллектуальная и волевая — это то, что на знаменах нашей великой Родины».

Он остался верен своим заповедям. Всей жизнью, всем своим творчеством В. Луговской доказал плодотворность лирико-философского ощущения мира.

В. Луговской был незаурядно образован, пыллив, жаден к культуре человечества. Он был по-настоящему интеллигентен, то есть обладал большой душевной культурой, тонко развитым чувством справедливости к чужой боли. Люди, хорошо знавшие Луговского, а среди них есть и ялтинцы, которых связывала с поэтом многолетняя дружба, отмечают в своих воспоминаниях несоответствие внешнего облика поэта с внутренним. Широкоплечий, рослый красавец с могучим разлетом удивительных бровей, рокошущий бархатный бас, горделивый профиль, строгая выправка, изысканные манеры. И за всем этим скрывалось самое чистосердечие, крайняя уязвимость. Не случайно К. Паустовский называл Луговского добрым, мудрым Гулливером. Таким он запомнился нынешнему поколению ялтинцев. Поэт приходил на встречи с ребятами в школы, читал стихи. На набережной, где он бродил часами, любясь морем, к нему подходили люди, и вскоре завязывался интересный разговор. И он рад был каждой новой встрече с новым для него человеком. Он знал и любил Крым. Впервые посетил его в 1923 году. Часто вспоминал, как пришел однажды из Севастополя в Ялту пешком.

Через все творчество В. Луговского проходит тема перекоевско-севастопольской эпопеи. В стихотворении «Перекоп» запечатлена волнующая ночь, когда завершалась грандиозная битва за Крым и по одну сторону стоял Фрунзе, приказ которого гласил: «Наступи и задуши последнюю гидру — Крым», а по другую — Вран-

гель, вызвавший: «Помолись и отбей последнюю опору — Крым».

Такая была ночь —
что ни шаг, то окоп,
Вприсядку выплывал
огонь.

Подскакивал Чонгар
и ревел Перекоп,
И рушился махновский конь...

Эта тема звучит в «Гражданской панихиде», «Дороге» и многих других стихотворениях поэта.

В послевоенные годы В. Луговской бывал в Крыму каждый год и посетил почти все города и крупные поселки полуострова. Но к Ялте отношение было особое. Здесь у него были «свои поэтические уголки», «своя» скамейка, «своя» кипарис. В письме к жене Елене Леонидовне Быковой в Москву он писал: «...Она (Ялта) так мне дорога. Вот сейчас прошелась ночью по моей любимой дорожке в соснах, а город лежит внизу, как в чаше, сияющий, вечно юный, не спящий... Только цикады звенят, да ветер осенний шумит...»

В Доме творчества Литфонда Союза писателей СССР рождались лучшие строки его крымской лирики. Здесь она обретала философскую раздумчивость и возвышенность.

Вот опять апрельский
строгий ветер
В розовых напылах
миндаля.

По ущелью льется тихий
вечер —
Это с морем говорит земля.
И маяк мигает красным
светом,
Музыка из города слышна.
В легкой сетке

чуть заветших веток
Черноморской сини пелена.
К северу обрывы гор крутые,
А внизу огни, огни, огни —
И бесчисленные, золотые
Словно мною прожитые дни...

В Доме-музее К. Тренева и П. Павленко в экспозиции есть фотография, относящаяся к 30-м годам. На ней запечатлены В. Луговской, Н. Тихонов, П. Павленко перед поездкой в Туркменистан. Эта поездка укрепляла дружбу между молодыми писателями. В Луговской увлекся сценарием П. Павленко к фильму «Александр Невский». Написал для него ряд песен, в том числе «Вставайте, люди русские». Бывая в гостях у Павленко в ялтинском доме, В. Луговской вспоминал, как в 1931 году отправился на ликвидацию басмачества в Среднюю Азию. Несколько месяцев находился в рядах пограничных войск и принимал участие в операциях на территории Таджикистана, Узбекистана и Туркмении. В 1955 году В. Луговской был награжден медалью «За отличие в охране государственных границ СССР».

Если для П. Павленко, привязанного к Ялте болезнью, она была, как и для А. П. Чехова, «теплой Сибирью», то для В. Луговского — любимым местом труда и отдыха, постоянным источником вдохновения.

Необычайного расцвета достигло творчество Луговского в последние четыре года его жизни. Восторженно говорит он о вечной юности мира, чело-

веческом счастье, дорабатывает лирические сборники «Песня о ветре», «Солнцеворот», книгу поэм «Середина века». В них представлена «автобиография века», пережитая в душе рядового участника великих событий столетия.

В мае 1957 года поэт последний раз вырвался «прямо к звездам, в сердце Крыма, прямо в синюю весну». Он побывал на Перекопе, побродил у берегов Сиваша, объездил все любимые уголки Южного берега, как бы прощаясь с ними.

В редакцию «Курортной газеты» (ныне «Советский Крым») он вошел бодрый, веселый, в белой рубашке с распахнутым воротником. Поделится с журналистами своими творческими планами:

— Я задумал сделать «выжимку» из своего сердца, из прошлых лет своей жизни и жизни страны... Мне хочется закончить здесь поэму «Октябрьская ночь» — о событиях в Москве в 1917 году, юным свидетелем которых я был...

Прямая, белоснежная свеча была символом героико-романтического идеала В. Луговского. Но свеча, разгоняя мрак ночи, сгорает. В дневниках поэта найдена предсмертная запись:

Сердце, сердце, — правды
не таи,
Ты сгорело сердце,
ты сгорело...

28 мая в ялтинской гостинице «Южная» Луговской слез с тяжелым инфарктом. В ночь с 4 на 5 июня он еще писал, оставив несколько лирических набросков, а 5 июня его не стало. Может, в этот момент вспомнились ему строки из «Журавлиной ночи»: «Здесь, у скалы, где молодость моя на мир ночной так жадно, так восторженно глядела, дай руку — посмотри и ты, дышанье затаив, на эти серебристые края, на это мощное морское тело. Мне кажется, я прожил сотни лет, — так постоянен этот ровный лунный свет...»

Может быть, он имел в виду именно ту скалу вблизи Дома творчества писателей, где по желанию поэта было замуровано его сердце?

Сегодня громаду, нависшую над дорогой, ведущей в парк Дома творчества, называют Скалой Луговского. Глубокий шрам прорезает ее от вершины до основания. Трещины слева образуют своими линиями очертания сердца. В центре скалы вмонтирован барельеф В. А. Луговского. В годовщину смерти поэта собрались здесь его друзья, писатели, артисты, жители Ялты. Когда наступили сумерки, вдова поэта зажгла у подножия скалы светильник. Огонь над могилой — священная традиция, уходящая в глубь веков, выражение любви к дорогому человеку, который, прощаясь с Крымом, сказал:

Шумит лесов прибой,
Идет волна на берег.
Меж нами не было ни боли,
ни обиды,

Я уношу с собой
Твой пламень голубой,
Сверкающий, прибрежный
Гром Тавриды.

Т. БАРСКАЯ.